

УДК 338.012

КОНВЕРГЕНТНОСТЬ НЕПРЕРЫВНОГО СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Агафонов Ф.В.

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

Информация о статье

Принята 11 января 2018 г.

Ключевые слова: конвергентные технологии, социальное благополучие, технологические уклады, экономическая теория, неоиндустриальное развитие

DOI: 10.26730/2587-5574-2018-1-68-77

Аннотация.

В статье показана связь между развитием конвергентных информационных технологий и уровнем социального благополучия населения. В России необходимо сформировать условия непрерывного благополучия, которое будет определяться не высокими социальными трансфертами, а возможностью длительное время использовать гражданами накопленный профессиональный опыт. Для этого необходимо ускоренная диффузия и коммерциализация инновационных конвергентных технологий, объединяющих отрасли образования, консалтинговых услуг, проектирования, медицины и информационные сети. Конвергентные технологии формируются в сетевых кластерах и способствуют формированию непрерывного благополучия у используемых их специалистов в течение практически всей жизни.

THE CONVERGENCE OF CONTINUOUS SOCIAL WELL-BEING IN THE CONTEXT OF ECONOMY NEO-INDUSTRIALIZATION

Fevix V. Agafonov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

Article info

Received January 11, 2018

Keywords:

convergent technologies, social well-being, technological layers, economics, neo-industrial development

Abstract.

The article shows the relationship between the development of convergent information technologies and the level of social well-being of the population. In Russia, it is necessary to create conditions for continuous well-being which is determined not by the high social transfers, but by the opportunity for citizens to use accumulated professional experience for a long time. To do this accelerated diffusion and commercialization of innovative convergent technologies, combining education, consulting services, design, medicine and information networks are necessary. Convergent technologies are formed in the network clusters and contribute to the formation of continuous well-being among the specialists who use them for the whole life.

1 Введение / Introduction

В ходе либеральной экономической реформы структурная трансформация в России осуществлялась самими субъектами хозяйствования стихийно и усилила деформацию экономической структуры. Отрасли, в основном сориентированные на внутренний рынок, имели более глубокий спад, чем ориентированные на экспорт, темпы спада возрастали с повышением технического уровня отрасли, резко сократились ВВП, инвестиции, расходы на НИОКР. Спад в отраслях ОПК по схеме мультипликатора повлек за собой вниз все сопряженные отрасли. В экономике возобладали тенденции сужающегося воспроизводства в реальном секторе, ускоренного развития торговли, финансово-банковского сектора, снижения эффективности использования ресурсов. Образовалось два полюса: относительно процветающий экспортно-ориентированный сырьевой (первичный сектор) и деградирующий сектор отраслей обрабатывающей промышленности (вторичный сектор). Интеграция России в мировое хозяйство стала важным фактором стихийных структурных сдвигов. Ухудшилась технологическая структура, возросла межрегиональная дифференциация, появились тенденции дезинтеграции экономического пространства, усилились

структурные сдвиги, тенденции деиндустриализации и десоциализации экономики, что явилось выражением кризиса индустриальной экономической структуры. Все это поставило под угрозу перспективы роста социального благополучия россиян с общемировыми темпами и, главным образом, ослабило действие факторов непрерывного благополучия, характерного для технологически передовых стран.

2 Материалы и методы / Materials and Methods

Непрерывное социальное благополучие становится важным самостоятельным направлением социологических и экономических исследований. Поддержание на достойном уровне благополучия в течение всей жизни как целевой ориентир социальной политики рассматривалось Р.Д. Путманом [1], Е. Динером [2], Дж. Джо [3], Г.А. Барышевой [4] и др. Социальные, психологические и экономические проблемы, вызванные снижением социального благополучия в связи с прекращением трудовой деятельности и выходом на пенсию, исследованы Дж. Х. Галлоп и Е. Хилл [5], П. Шульте, С. Пандали, В. Вульсин, Х. Чан [6], П. Харрисон, Дж. Поуп, К. Коберли, И. Рула [7] и др.

В нашем исследовании особая роль отводится анализу связей между промышленным развитием и социальным благополучием, его уровнем и непрерывностью. Эти вопросы рассмотрены А.П. Бартел, Ф.Р. Лихтенберг [8], А. Дитон [9], Д. Ачемоглу, Ю. Аксигит, У. Керр [10].

Для экономики России, стран БРИКС и постсоциалистических государств сегодня высоко актуальной является проблема восстановления и развития промышленного потенциала на новом технологическом уровне. Успех ее решения напрямую будет определять уровень социального благополучия и его непрерывность в этих странах. Однако неиндустриальный характер непрерывного благополучия, формирующийся в новых индустриальных странах (Южная Корея, Сингапур, Малайзия) и государствах БРИКС, слабо представлен в работах экономистов. Основной акцент сделан на пост-индустриальных исследованиях (У. Клемент, Дж. Майлс [11], Д. Белл [12], К. Кларк [13], М.А. Гасанов, С.А. Жиронкин, [14]).

Прогрессирующее старение населения ставит перед обществом задачу обеспечить достойную жизнь людям преклонного возраста, сохранить нормальное протекание их жизни. По прогнозам, к 2025 году население мира возрастет в три раза по сравнению с 1970 г. численность пожилых людей – в 6 раз. При этом число людей старше 80 лет увеличится в 10 раз [15].

К 2025 г. доля российских граждан старше 60 лет достигнет 20%, а численность жителей страны возрастом более 75 лет превысит к 25%. Наряду с этим, численность одиноко живущих людей пожилого возраста в России уже превысила 10 млн. человек. Это делает проблему непрерывного социального благополучия актуальной для почти половины населения России уже в ближайшем будущем.

Следовательно, вырастет доля населения, для которой активная трудовая деятельность и связанное с ней благополучие останется в прошлом. Для экономики это обернется ростом недополученных доходов, недопроданных товаров и услуг, упущенной возможностью создания новых рабочих мест.

Старение современного общества имеет не только демографические и макроэкономические последствия. Изменения затронут и социальные отношения, благодаря наличию «более опытных» членов общества, усилятся конкуренция на рынке труда, возрастут требования к качеству и объемам медицинских услуг. Неизбежно придется усиленно развивать те отрасли медицины, которые наиболее тесно связаны со здоровьем пожилых и старых людей, что приведет к дополнительным государственным расходам.

По мере старения нации усиливается проблема поддержания на приемлемом уровне благополучия возрастающей части населения. Для России и других пост-социалистических стран актуальна проблема значительного снижения доходов после прекращения активной трудовой деятельности. В результате уровень материального положения абсолютного большинства пожилых людей существенно снижается, усугубляются проблемы бытового устройства.

В результате у пожилых россиян происходит трансформация ценностных ориентиров, меняется образ, режим жизни, ухудшаются условия для реализации интеллектуальных, культурных потребностей; появляются трудности психологической адаптации к новым условиям жизни, одиночество, дефицит общения, постепенно теряются основные социальные связи с окружающей

средой. Социально-экономические трудности в России последних лет значительно ухудшили социальное самочувствие большинства пожилых людей, которые по существу заняли маргинальное положение в обществе. Социальный статус пожилых и престарелых людей существенно изменился в сторону ухудшения.

В России государством декларировано устойчивое повышение уровня и качества жизни пожилых людей на основе социальной солидарности и справедливости, соблюдение баланса интересов всех социально-демографических групп населения и рационального использования финансовых и других ресурсов. Социальная помощь пожилым и старым людям – это обеспечение в денежной или натуральной форме, в виде услуг или льгот, предоставленных с учетом законодательно установленных государством социальных гарантий по социальному обеспечению.

Однако множество пожилых россиян, проживающих в городах, являются маргиналами первого поколения. Фактически они стали маргиналами, выйдя на пенсию в современной России после распада СССР. В 1990-е гг. средняя пенсия в России не превышала 100 долл. в месяц, в 2000-е гг. эта цифра выросла до 350 долл., а в 2014 г. – снизилась до 200 долл. Вместе с тем, в составе пожилых граждан России высок удельный вес лиц с высшим образованием (до 35% в возрасте 60-75 лет). При этом на уровень материального положения пожилых граждан в России практически не влияют материальные ценности, накопленные их родителями и прародителями. Они просто были утрачены вследствие миграционных перемещений, рыночной трансформации экономики. Больше половины пожилых россиян не имеют связей ни с кем из родственников. В России около 1,5 млн. граждан старших возрастов нуждаются в постоянной посторонней помощи и социальных услугах.

В результате такого значительного падения социального благополучия в России по мере старения и выхода на пенсию, пожилые люди усваивают негативное отношение к себе со стороны окружающих. В российском обществе меняются эталоны восприятия лиц позднего возраста с позитивных на негативные.

3 Результаты и обсуждение / Results and Discussion

Первопричина проблемы падения благополучия большинства россиян по мере их старения произошедшую в период рыночных реформ 1990-2000 гг. заключается в технологической деградации промышленности и бездействии институтов инновационного развития. В результате, с одной стороны, доходы государственного бюджета оказались недостаточными для полноценного социального обеспечения пожилых людей пенсиями, медицинскими услугами до того уровня, который был доступен для них в период трудовой деятельности. С другой стороны, высокая зависимость государственных доходов и всей экономики России от мировых цен на нефть значительно подорвала ее устойчивость. Это сделало инвестиции негосударственных пенсионных фондов рискованными и создало препятствие на пути их развития.

Технологическая деградация российской промышленности стала следствием деиндустриализации экономики – отрицательных структурных сдвигов в экономике (главным образом, из-за концентрации инвестиций в сырьевых отраслях), и коллапс научно-технического комплекса. Проявлением деиндустриализации российской экономики можно считать, с одной стороны, сокращение доли промышленного производства в ВВП (за 1996-2013 гг. с 48% до 35%, по методу валовой стоимости промышленного производства), а в самой промышленности – уменьшение обрабатывающего сектора (в 2006 г. – 42%, в 2010 – 38%, по методу добавленной стоимости). С другой стороны, деиндустриализация экономики России в период рыночных реформ вызвана технологической деградацией промышленности, лишившей ее потенциала не только международной, но и внутренней конкурентоспособности. В той части отраслевой структуры российской экономики, которая напрямую связана с инновационным развитием (сфера услуг), преобладает торговля и финансы (в 2011 г. – 78%, тогда как в США – 35%). Доля услуг самого передового сектора (по Д. Беллу – пятого) – инновационный консалтинг, здравоохранение, образование и пр., – в России занимает менее 10%, а в США – 33% [16].

Современное состояние большинства высокотехнологичных отраслей гражданского назначения в России характеризуется стагнацией, снижается их доля в ВВП. Неудовлетворителен и инновационный аспект экономического роста – инновационно-активными являются не более 6 % всех промышленных предприятий. Инвестиции в инновационное производство нерентабельны и служат фактором роста издержек производства фирм. В структуре экономики России происходит маятниковый процесс формирования пропорций: многие тенденции, сложившиеся в

1992–1998 гг., меняются на противоположные в 1999–2008 гг. При этом рост активности не сырьевых отраслей свидетельствует не о самостоятельном возрождении «внутренней» российской промышленности, а является следствием вторичных эффектов высоких мировых цен на нефть и газ.

Активизации промышленности с 2000 г. способствовал резкий рост производства оборонной продукции, увеличение государственных военных закупок и рост военного экспорта, однако тенденция приоритетного развития сырьевых отраслей и отраслей с невысокой добавленной стоимостью не была преодолена. Факторы экономического роста в российской экономике стали затухать, тенденции оживления неустойчивы.

В структуре российской экономики наблюдается рост доли сферы услуг в ВВП за счет резкого сокращения доли материального производства, возникновения секторов, обслуживающих потребности функционирования рынка, активизации торговли и туризма, появления новых услуг (Интернет, мобильная связь и т.п.), развитие которых обычно происходит на базе передовых технологий. Однако доля занятых в сфере услуг обгоняет долю производимого ВВП в этой сфере, что свидетельствует о ее невысокой эффективности.

Формируется новая модель функционирования отраслей на основе информационных технологий и компьютерной техники, что является тенденцией создания инновационной экономики. В отраслях сферы услуг сегодня формируются ключевые факторы экономического роста (научно-технические знания, нематериальные формы накопления, инновационные технологии). Рост сферы услуг в России можно с некоторой оговоркой отнести к постиндустриальной модернизации российской структуры экономики, так как последняя должна опираться на высокий уровень развития индустриального сектора, деградация которого закрывает стране путь в общество высоких технологий.

Неконтролируемое возрастание сырьевого сектора стало главной угрозой развитию российской экономики и ее переходу к инновационной структуре. Сырьевые ресурсы – товар с низкой эластичностью спроса по доходу в краткосрочной перспективе в сравнении с продукцией обрабатывающих (особенно высокотехнологичных) отраслей. Электроэнергетика, топливная промышленность – сектора экономики с падающей эффективностью – не могут быть локомотивами эффективного экономического роста. Сложившаяся отраслевая структура инвестиций закрепляет ее сырьевую направленность. Финансовые ресурсы для инвестиций сосредоточены в добывающих и сырьевых секторах, а эффективного механизма перелива капитала пока нет.

Рост социального благополучия в российской экономике и формирование его непрерывного характера связано с неоиндустриальными преобразованиями. Неоиндустриализация экономики заключается, прежде всего, в существенных изменениях ее технологической и отраслевой структуры в процессе развития высокотехнологических производств, интеграции науки и производства.

В настоящее время широкое распространение получила идея неоиндустриализации. Индустриализация как первая фаза общественного развития проходила в России в послевоенные годы на базе электрификации. Эта фаза по своему охвату распространяется вширь. Дальнейшее развитие как самостоятельная вторая фаза реализуется вглубь, в виде автоматизации производительных сил на базе электрификации. Здесь следует подчеркнуть, что процессу электрификации предшествовал длительный период «паровой эры». По С.Ю. Глазьеву, это второй технологический уклад. В результате главной задачей первой фазы индустриализации была не просто механизация, не развитие электроэнергетики как отрасли в воспроизводственном процессе, а увеличение электрифицированных машин и рабочих мест, электрификация производительных сил, создание основ всеобщей автоматизации. «Паровую эру», в качестве ядра которой выступает паровой двигатель, можно охарактеризовать как процесс просто механизации, замена физических затрат труда человека на стадии создания энергии, приводящей в движение орудия труда. Следующей является фаза электрификации. Главное ее назначение — замена труда рабочего на стадии управления машинным трудом. На этой стадии происходит подлинная индустриализация. Определяющим критерием общественного воспроизводства выступает удельный вес электрифицированных машин и рабочих мест в народном хозяйстве.

На наш взгляд, нужны не разовые вливания в развитие обрабатывающей промышленности, а более фундаментальный подход. Необходимо учитывать, что разрушение основных фондов началось во второй половине 1980-х гг., в период так называемой «перестройки». Уже в то время

обновление основных фондов снизилось до 5–6 % в год, по сравнению с 1970-ми гг., когда обновление держалось на уровне 10 % в год. В 1990-е гг. оно снизилось до предельно низкого уровня — 1 % в год, параллельно происходило прямое разрушение в процессе приватизации: «перепрофилирование» предприятий в непромышленные организации в виде развлекательных заведений, складских помещений, освобождение территорий в коммерческих целях. К настоящему времени оставшийся производственный аппарат оказался физически изношенным, морально устаревшим, не приспособленным к компьютеризированному и автоматизированному производству. Наступил момент, когда восстановление обрабатывающей промышленности можно осуществить лишь путем реанимации, полного технического перевооружения всего индустриального базиса нашей страны. Создание высокотехнологичного производства, отвечающего задачам выпуска товаров конечного потребления с высокой добавленной стоимостью и покупательной способностью населения, должно стать основным приоритетом промышленной политики страны.

Такая политика способна остановить процессы деиндустриализации и создать условия, стимулирующие переход к инновационной экономике. Индустриализация как форма модернизации наиболее полно отвечает предъявляемым требованиям на начальной стадии восстановительного цикла. Речь идет о выборе экономической политики. В современных условиях реиндустриализация как экономическая политика является весьма сложным процессом. Традиционная промышленная политика обычно связывается с принятием комплекса мер государственного воздействия на распределение ресурсов общества с целью совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий, корректировки негативных последствий механизма рынка.

В качестве методологической основы необходим выбор новой модели развития при широком использовании плановых и рыночных методов хозяйствования. В целях усиления государственного регулирующего воздействия необходимо применять такие рычаги, как национализация, введение системы планирования, создание механизмов долгосрочного кредитования и инвестиционных проектов.

Центральное положение в воспроизводственной цепочке должна занять сфера НИОКР. Здесь большое значение приобретает проблема спроса и инвестирования, финансовые вливания. Проблема спроса предполагает такую схему, которая опирается на внутренний и внешний спрос. Такой подход является необходимым условием. Успех реализации предполагает усиление регулирующей роли государства. Доминирующим является государственные расходы, связанные с расширяющимся производственным потенциалом, затратами на военные нужды, оборонные заказы и внешним спросом. Отсюда следует, что на современном этапе преодоление инерционной деиндустриализации, сравнимо с радикальной технико-технологической перестройкой, которая требует огромных затрат с длительными сроками окупаемости и высокой долей накопления. Подобные финансово-экономические вызовы сопоставимы с проблемами народнохозяйственной значимости: снижение технического уровня экономики, высокая степень разрушения обрабатывающей промышленности, крайне низкая наукоёмкость производства, длительное недофинансирование сферы НИОКР. С решением подобных задач частный бизнес объективно не может справиться. Здесь требуется, с одной стороны, регулирующая роль государства в масштабах всей страны, с другой — мощная финансово-ресурсная поддержка, создание благоприятной среды для высококвалифицированного труда. Все это позволит существенно обновить производственный аппарат, поднять технический уровень производства, увеличить объем наукоемкой продукции.

Сегодня стоит задача запустить новый инвестиционный механизм экономического роста, необходим инвестиционный прорыв, который бы позволил провести крупномасштабную технологическую модернизацию, соответствующую инновационному пути развития.

Таким образом, в экономике преимущественно происходит экономический рост без развития. Инвестиционной, технологической и структурной модернизации российской экономики не случилось, что консервирует сложившуюся сырьевую экономическую структуру. Перед Россией стоит задача запустить новый механизм экономического роста, «локомотивами» которого должны стать биотехнология, нанотехнология, CALS-технологии, информационные технологии, телекоммуникации, авиационный и ракетно-космический комплекс, микроэлектроника, словом, технологическая и структурная конвергенция.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что необходим сначала выход на траекторию догоняющей индустриализации, а потом выход на траекторию опережающей индустриализации. Сырьевой фактор позволяет сблизиться с развитыми странами по ряду показателей на непродолжительное время и увеличивает зависимость от внешних шоков. Так в России в 2000-х годах за счет сырьевого фактора произошел рост доходов, рост потребления, рост различных экономических показателей, повышение места страны в мировой экономической системе, т.е. произошло сближение с развитыми странами. Но, в тоже время, произошел технологический регресс, сократилась доля 5-го уклада, нет предпосылок для 6-го уклада, увеличилась подверженность внешним шокам, и тем самым, возникли новые угрозы национальной экономической безопасности.

Наряду с вышесказанным, неоиндустриализация означает проведение системной государственной промышленной политики в несколько последовательных этапов.

Первый этап – инновационное развитие сырьедобывающих производств для полного обеспечения новейшими материалами отечественного машиностроения, строительной отрасли. Технологической платформой первого этапа должны стать имеющиеся технологические платформы, а основными инвесторами – банковские холдинги. Экономические условия первого этапа неоиндустриализации экономики – стимулирование сбалансированного инвестирования в НИОКР и ресурсные производства. Институты первого этапа должны успешно абсорбировать природную ренту от добычи полезных ископаемых и направлять их в инновационную сферу. К таким институтам относятся законы о высокотехнологичных банках с участием государства, отраслевых инновационных и инвестиционных банках. Социальная группа роста социального благополучия на первом этапе неоиндустриализации – работники обрабатывающих предприятий, сотрудники инновационных фирм, занятые в коммерциализации производственных новинок.

Второй этап – модернизация российских обрабатывающих предприятий: машиностроения, энергетики, органической химии, металлургии современных сплавов и пр. Именно эти отрасли должны быть полностью обеспечены отечественной продукцией глубокой переработки сырья с целью импортозамещения их продукции и повышения международной конкурентоспособности. Технологическая платформа второго этапа неоиндустриализации – инновационные кластеры и государственно-частные партнерства как форма инвестирования инноваций. Экономические условия – стимулирование импорта технологий и их адаптации в действующих промышленных кластерах, создание спроса на инновации в промышленности в процессе формирования высокотехнологичных холдингов. Институциональная основа второго этапа – отказ от «принуждения к модернизации» российской экономики и отход от ее «островного», локального характера, с переходом к целевому программированию и стратегическому планированию взаимодействия государства и бизнеса по поводу инвестирования в НИОКР, законодательное обеспечение этого процесса. Социальная группа, в которой на втором этапе неоиндустриализации должен произойти наибольший рост благополучия, включает в себя сотрудников научно-исследовательских институтов, университетов, венчурных компаний, фирм, разрабатывающих инновационные технологии и проектирующих их внедрение в промышленности.

Третий этап неоиндустриализации российской экономики – становление новых отраслей, генерируемые в которых инновации смогут найти спрос в сырьевых и обрабатывающих отраслях. К таким отраслям следует отнести биоэнергетику и производство экологически чистого топлива, распределенное вычислительное программирование, нано-материалостроение. Технологическая платформа третьего этапа должна быть основана на принципе технологической интеграции, на сетевых кластерах и конвергентных технологиях. Экономические условия третьего этапа – государственная поддержка «прорывных» научно-исследовательских разработок, и максимально льготный режим для создания и коммерциализации «прорывных» инноваций. Институциональная основа – целевые программы опережающего развития инноваций, высокотехнологичное лобби, инновационная субконтракция малых инновационных фирм крупными промышленными предприятиями. Целевая социальная группа опережающего роста социального благополучия на третьем этапе должна включать в себя ученых, специалистов-консультантов, работников самых современных высокотехнологичных отраслей, частных инвесторов в инновации – «бизнес-ангелов» [17].

Таким образом, достижение технологических результатов неоиндустриализации российской экономики должно быть тесно увязано с формированием непрерывного характера социального благополучия. Восстановление промышленного потенциала российской экономики на новой технологической основе займет от шести до десяти лет, в зависимости от различных сценариев противодействия государства оттоку капитала и стимулирования инновационной активности. За данный период должны сформироваться условия поддержания непрерывности благополучия, основанные на использовании сетевых информационных технологий в течение всей жизни работающих россиян – от старта профессиональной деятельности до глубокой старости.

Современные сетевые технологии, такие как веб-дизайн, распределенное программирование, интернет-консультирование, дистанционное приватное интернет-обучение иностранным языкам, дизайну, интернет-маркетинг, способны вовлечь в современные формы трудовой деятельности и малого предпринимательства миллионы россиян [18]. Это дает возможность говорить о сетевом благополучии – его особой форме, достигаемой только с помощью новейших сетевых информационных технологий. Главная особенность сетевого социального благополучия – его конвергентность, благодаря которой оно является результатом сближения разных отраслей по мере проникновения в них общих технологий и становления единых экономических стимулов. В данном случае речь идет о таких отраслях, как программирование и обработка информации, образование, социально-бытовые, юридические, финансовые услуги, глобальный маркетинг, производство вычислительной техники.

В основе отраслевой конвергенции должна лежать дигитализация большей части процессов производства материальных и нематериальных благ. Она означает перевод технических, управленческих, финансовых процессов в единый цифровой формат, понятный современным компьютерам, устранение различий между отдельными видами информации.

Неоиндустриализация российской экономики должна дать импульс развитию конвергентных технологий. Последние, в свою очередь, способны обеспечить преэминентность социальных групп, формируемых на разных этапах неоиндустриализации. Иными словами, сегодняшние работники обрабатывающих предприятий, специализирующихся на выпуске инновационной продукции, должны получить возможность научной и преподавательской деятельности, участия в проектировании новых технологий. Впоследствии, по окончании своей профессиональной карьеры, необходимо использовать их накопленный опыт в роли консультантов и научных работников, а также частных венчурных инвесторов [19].

Только такое последовательное развитие ключевых для неоиндустриализации социальных групп является ключом к формированию в России непрерывного социального благополучия. Оно должно иметь сетевой характер, то есть связанное с глубоким проникновением информационных Интернет-технологий в профессиональную деятельность и личную жизнь населения.

Конвергентность сетевого благополучия означает объединение информационных, образовательных, социальных, промышленных технологий в новые технологии дистанционного образования и онлайн консультирования, проектирования на расстоянии, удаленных научных изысканий, а также безлюдных промышленных технологий удаленного администрирования процессами.

Для формирования конвергентного сетевого социального благополучия в России необходимо развитие сетевых инновационных кластеров, в которых информационные технологии создаются и диффузно распределяются по всему миру через Интернет. В отличие от промышленных, у информационных кластеров к конкретной территории «привязано» только их «ядро» – штаб-квартиры вычислительных центров компаний, университеты и центры подготовки кадров, научные лаборатории. Остальные субъекты информационных кластеров диффузно распределены по всему миру и связаны с «ядром» посредством Интернет и контрактов на участие в производстве информационных продуктов.

Особенностью сетевых конвергентных технологий является то, что они участвуют в формировании устойчивой социальной группы, способной поддерживать свое благополучие непрерывным не за счет социальных выплат, а за счет продажи своих знаний и профессиональных навыков по всему миру. Распространение такой социальной группы на широкие слои населения требует от государства поддерживать центры создания и распространения конвергентных техно-

логий – инновационных кластеров. Примером таких кластеров можно назвать кластер «Синергия» (г. Томск, Россия), в котором развиваются информационные, СВЧ, медицинские и фторидные технологии.

К сожалению, сегодня российское государство с особой тщательностью следит за тем, чтобы налоговые льготы инновационным фирмам не вышли за пределы кластеров и доставались только их резидентам. Про-фискальный характер экономической политики сдерживает, прежде всего, развитие самых передовых информационных технологий и исключает их из числа драйверов социального благополучия.

Поэтому для развития непрерывного социального благополучия в российской экономике необходимо освобождение от налогов прибыли инвесторов в инновационные кластеры, фонда оплаты труда работников фирм – их резидентов, а также доходов связанных с ними фрилансеров в кратном размере – не менее 150% от их объема. Это создаст дополнительный стимул к возрастанию сетевого благополучия в России.

Формирование непрерывного социального благополучия требует, чтобы социальная группа, формирующаяся в процессе неоиндустриализации экономики была достаточно устойчивой для вытеснения из «элитарных» групп чиновников и менеджеров сырьевых компаний. Важнейшую роль в формировании непрерывного благополучия сетевого типа должна играть государственная инновационная и образовательная политика, которая должна органически сочетаться с налоговыми освобождениями доходов занятых в инновационных кластерах, а также пожилых людей, использующих сетевые технологии для продолжения профессиональной деятельности.

Становление непрерывного социального благополучия означает создание новых социальных ситуаций, обеспечивающих доходность интеллектуальной собственности, устранение административных барьеров на пути инвестирования инноваций и распоряжения ноу-хау, лоббирование интересов инновационных фирм. Это требует институционализации сферы информационных технологий, разработки формальных и неформальных институтов воспроизводства интеллектуального капитала, информации и технологических идей.

4 Заключение / Conclusion

Таким образом, формирование непрерывного социального благополучия в России неотделимо от повышения технологического уровня промышленности, от перехода экономики от сырьевого к обрабатывающему типу, от глубины проникновения сетевых информационных технологий в общественную и личную жизнь. Формирование у россиян возможностей использовать свои знания и навыки в течение всей жизни требует повышения престижности и мотиваций интеллектуального труда, научной и инновационной деятельности, изменение социальной роли ученых и инноваторов, специалистов сферы информационных технологий. Они должны перейти от обслуживания потребностей сырьевых производств, торговли и финансового сектора к массовому производству информации как современного фактора производства, на основе которого должны развиваться конвергентные технологии и создаваться нематериальные блага глобального спроса.

Список источников

1. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. – 1995. Vol. 6. – pp. 65-67.
2. Diener E. Guidelines for national indicators of subjective well-being and ill-being // Social Indicators Network News. – 2005. – Vol. 84. – pp. 4-6.
3. Joe G. National accounts, wellbeing, and the performance of government // Oxford Review of Economic Policy. – 2011. – Vol. 27. – pp.620 – 633.
4. Барышева Г.А., Аксёнова Ю.В., Сытых М.С. Сравнительное исследование благополучия пожилых людей на основе показателей г. Томска и г. Бремена с помощью эконометрической регрессионной модели // Вестник ТГПУ. – 2014. - №5(146). – С.170-176.
5. Gallup G.H., Hill E. The secrets of long life. – New York: Geis Associates; Random House, 1960.
6. Schulte P., Pandalai S, Wulsin V, Chun H. Interaction of occupational and personal risk factors in workforce health and safety // American Journal of Public Health. – 2012. – Vol. 102. – pp.434–448.
7. Harrison P., Pope J., Coberley C., Rula Y. Evaluation of the relationship between individual well-being and future health care utilization and cost // Population Health Management. – 2012. – Vol. 15. – pp. 325–330.

8. Bartel A.P., Lichtenberg F.R. Technical Change, Learning, and Wages. – Washington: National Bureau of Economic Research. Working Paper, 1991.
9. Deaton A. Income, health, and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll. // *Journal of Economic Perspectives*. – 2008. – Vol. 22(2). – pp. 53-72
10. Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. Networks and the Macroeconomy: An Empirical Exploration. – Harvard Business School 2015.
11. Clement W., Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. – Montreal, 1994.
12. Bell D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting. – N.Y.: Collman Pub., 1973.
13. Clark C. The conditions of economic progress. – London: Logan Pub., 1991.
14. Гасанов М.А., Жиронкин С.А. Структурные условия неоиндустриализации экономики // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – №10. – С.127-129.
15. Global Age Watch Index. Private association Resource Center for the seniors, 2013.
16. OECD (2014) Economic Outlook, Volume, Issue 1. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economicoutlook-volume-2014-issue-1_eco_outlook-v2014-1-en Date of application - 03.08 2015 (дата обращения 10.02.2018).
17. Кукушкин С.Н. Труд в информационном обществе. Трансформация труда в творчество // *Экономика знаний: теория и практика* – 2017. – №3. – С.35-50.
18. Каленов О.Е. Виртуальные бизнес-организации: потенциал и перспективы// *Экономика знаний: теория и практика*. –2017. – №4. – С.57-63.
19. Чистяков М.И. Особенности инновационного развития российской экономики// *Экономика знаний: теория и практика*. – 2017. – №2 – С.22-28.

References

1. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. pp. 65-67.
2. Diener E. Guidelines for national indicators of subjective well-being and ill-being. *Social Indicators Network News*. 2005. Vol. 84. pp. 4-6.
3. Joe G. National accounts, wellbeing, and the performance of government. *Oxford Review of Economic Policy*. 2011. Vol. 27. pp.620 633.
4. Barysheva G.A., Aksjonova Ju.V., Sytyh M.S. Sravnitel'noe issledovanie blagopoluchija pozhilyh ljudej na osnove pokazatelej g. Tomska i g. Bremena s pomoshh'ju jekonometricheskoj regressionnoj modeli [The comparative study of senior citizens well-being based on the indicators of the Cities of Tomsk and Bremen using economic-and-regression model]. *Vestnik TGPU = TGPU Bulletin*. 2014. Vol. 5(146). pp.170-176.
5. Gallup G.H., Hill E. The secrets of long life. New York, Geis Associates; Random House, 1960.
6. Schulte P., Pandalai S, Wulsin V, Chun H. Interaction of occupational and personal risk factors in workforce health and safety. *American Journal of Public Health*. 2012. Vol. 102. pp.434448.
7. Harrison P., Pope J., Coberley C., Rula Y. Evaluation of the relationship between individual well-being and future health care utilization and cost. *Population Health Management*. 2012. Vol. 15. pp. 325330.
8. Bartel A.P., Lichtenberg F.R. Technical Change, Learning, and Wages. Washington: National Bureau of Economic Research. Working Paper, 1991.
9. Deaton A. Income, health, and well-being around the world: Evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives*. 2008. Vol. 22(2). pp. 53-72
10. Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. Networks and the Macroeconomy: An Empirical Exploration. Harvard Business School 2015.
11. Clement W., Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994.
12. Bell D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting. N.Y., Collman Pub., 1973.
13. Clark C. The conditions of economic progress. London: Logan Pub., 1991.
14. Gasanov M.A., Zhironkin S.A. Strukturnye uslovija neoindustrializacii jekonomiki [Structural conditions of neoindustrializing of economy]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and practice of social development*. 2014. Vol. 10. pp.127-129.
15. Global Age Watch Index. Private association Resource Center for the seniors, 2013.
16. OECD (2014) Economic Outlook, Volume, Issue 1. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economicoutlook-volume-2014-issue-1_eco_outlook-v2014-1-en Date of application - 03.08 2015 (дата обращения 10.02.2018).
17. Kukushkin S.N. Trud v informacionnom obshhestve. Transformacija truda v tvorcestvo [Labour in the information society. Transformation of the labour into creative work]. *Jekonomika znaniy: teorija i praktika = Knowledge economy: theory and practice*. 2017. Vol. 3. pp.35-50.
18. Kalenov O.E. Virtual'nye biznes-organizacii: potencial i perspektivy [The virtual business organizations: potential and perspectives]. *Jekonomika znaniy: teorija i praktika = Knowledge economy: theory and practice*. 2017. Vol.4. pp.57-63.
19. Chistjakov M.I. Osobennosti innovacionnogo razvitija rossijskoj jekonomiki [Russian economy innovative development peculiarities]. *Jekonomika znaniy: teorija i praktika = Knowledge economy: theory and practice*. 2017. Vol. 2. pp.22-28.

Авторы

Агафонов Феликс Владимирович – аспирант кафедры экономики.

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28. e-mail: kemshi-ise@mail.ru

Библиографическое описание статьи

Агафонов Ф.В. Конвергентность непрерывного социального благополучия в условиях неоиндустриализации экономики // Экономика и управление инновациями — 2018. — № 1 (4). — С. 68–77.

Authors

Fevix V. Agafonov – Post-graduate of Economy Department.

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 650000 28 Vesennyaya st., Kemerovo, Russia, e-mail: kemshi-ise@mail.ru

Reference to article

Agafonov F.V. The convergence of continuous social well-being in the context of economy neo-industrialization. Economics And Innovation Management, 2018, no. 1 (4), pp. 68-77.